



Дмитрий Станиславович Дьяков родился в 1963 году в городе Котовске Тамбовской области. Окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. Публицист, очеркист. Публиковался в журналах «Знамя», «Подъём», «Город» (Тольятти) и других изданиях, в венгерских научных журналах. Автор книг «Шаг навстречу», «Командармы Воронежского фронта», «На свою голову», «Жизнь не здесь» и др. Работал главным редактором газеты «Воронежский курьер». В настоящее время директор Издательского дома ВГУ, редактор-составитель альманаха «Ямская слобода». Член Союза российских писателей. Живет в Воронеже.

Дмитрий Дьяков

ТРИ СТИХИИ ОЛЬГИ КОЖУХОВОЙ

Очерк

Тему «Женщина на войне» в отечественной прозе открыла, по сути, воронежская писательница Ольга Кожухова. Ее роман о фронтовых медсестрах «Ранний снег» вышел в свет в 1964 году. За пять лет до легендарной повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» и за двадцать один год до книги «У войны не женское лицо» Светланы Алексиевич, получившей Нобелевскую премию...

Столетний юбилей Ольги Константиновны Кожуховой прошел совсем незаметно, 20 июня 2022 года — растворившись в последовавшем за ним через два дня Дне памяти и скорби, которым в нашей стране вот уже более восьмидесяти лет помечена самая короткая ночь в году...

ВЫЖЖЕННАЯ СТЕПЬ

Психологи утверждают: мужчина еще может вернуться с войны, а вот женщина — нет. В том смысле, что увиденное и пережитое *там* настолько прочно врезается в женское сознание, что она уже не может привыкнуть к мирному быту и продолжает жить по законам военного времени.

Вот и Ольга Кожухова все выпавшие ей шесть послевоенных десятилетий, до самой своей смерти в 2007 году, пыталась «выйти из войны». И не смогла. «Один сказал, что я, видимо,

недовоевала на войне, что я и сейчас еще воюю. Это было сказано довольно точно», — уже в преклонные годы записала она в дневнике.

Что в ее характере предопределило такую судьбу?

Она родилась в Воронеже, но почти сразу родители увезли ее на хутор-кордон, в знаменитую Каменную Степь, где ее отец — агроном, селекционер, ученик академика Вильямса — «изучал жизнь не тронутой человеком, нераспаханной степи и глубинные ее связи с лесом, с ветром, с водой...» Спустя годы писательница признается: «В темные, душевные дни начинаешь верить, что каждый из нас в своей другой жизни был каким-то иным существом. Один — зверем. Другой — птицей. Третий — змеей. А я была степью — и лежала легко и свободно под таким невесомым и радостным небом, вся в траве и цветах! А иначе, откуда во мне это чувство огромного счастья, когда я вижу ржаные поля и проселочную дорогу, бегущую от холма до холма, пыль, встающую из-под копыт? Они мне родные. Родней человека».

Каменная Степь в те годы — это несколько домов сотрудников научной станции, вокруг которых на многие километры безлюдное, иссыхающее на горячем ветру пространство. А в домах — книги. В своих дневниках Кожухова постоянно вспоминает об этом, то сообщая, что читать она выучилась в шесть лет, то отмечая, что в их доме всегда была большая библиотека, то утверждая, что «человек, у которого есть книги — если только он умеет из них взять самое нужное, — всегда будет счастлив», поэтому — « всю жизнь только так... только с книгой. И это мое непрерывное образование...»

Обо всем этом — о детстве, о родителях, о красоте Каменной Степи, о любви к книгам — Кожухова написала полную духовного очарования повесть-дневник «Донник», отмеченную Госпремией РСФСР...

Потом мать рассталась с отцом и привезла «книжную» дочку (уже после войны один из мужей писательницы называл ее «*книгиней* Ольгой») в Воронеж, где та стала учиться в знаменитой 9-й школе, что на улице Комиссаржевской.

Школа закончилась 21 июня 1941 года.

«На площади Двадцатилетия Октября, у памятника Ильичу, мы, напевшись и наплясавшись, наконец, расстаемся, — читаем в дневниках писательницы. — И хоть кто-нибудь на прощанье крикнул бы вслед: оглянись! Скорей оглянись — и запомни эту площадь и купы деревьев Кольцовского сквера, этот памятник Ленину, эти колонны обкома — квадратные, из черного мрамора. Потому что скоро здесь будут одни только развалины, дым пожаров, бомбежки...»

А на следующий день Воронеж накрыл ливень. «Меня он застал на Никитинской площади в дверях фотографии, — пишет Кожухова. — Гром ревел, перекапывался по крыше, грохотал как-то очень уж звероподобно. По асфальту мостовой, по тротуарам, с кипеньем, вся мутная, грязная, с ключьями мусора мчалась вода. Она забивала собой все стоки... А на площади, перед кинотеатром “Пролетарий”, прямо под серебряной грушей репродуктора, — я это увидела все из тех же дверей, — стала скапливаться, собираться огромная, страшная в своей неподвижности под грохочущим ливнем толпа. Молча слушала голос по радио.»

Так в ее жизнь пришла война.

На фронт она ушла сразу, несмотря на то, что, как отличница, была без экзаменов зачислена на первый курс филологического отделения Воронежского университета. («Прихожу — вижу себя в списке принятых, а рядом объявление: набор на курсы медсестер. Что было раздумывать: война...») В романе «Ранний снег» она рассказала историю своего «призыва» устами героини Шуры Углянцевой:

«А я сама себя в армию призвала.

И не в каком-либо переносном, поэтическом смысле, а в самом прямом.

Я не только вступила в армию добровольно, то есть вполне сознательно оторвалась от себя, от своей личной жизни, от свободы, от своих надежд и



Ольга Кожухова.
Фото военного времени

желаний, исполнив по отношению к себе священную роль судьбы, но еще и чисто технически выполнила это “своею собственной рукой”. Сидя за столом в военкомате, я сама написала себе повестку, писарям в то время было явно не до меня. Измочаленные суетой всеобщей мобилизации, с онемевшими от непрерывной писарской работы руками, они просто не управлялись. Они дали мне бланк, перо и чернильницу, и я торжественно сама себе предписала: “Гражданке такой-то... явиться туда-то... В случае неявки... суду военного трибунала”...»

Потом были ускоренные медицинские курсы в Новохоперске, где хохол-военрук рисовал предстоящий бой исключительно в победных тонах: «Прыказ! И — ринулись частя». Но на деле все оказалось не так складно.

6 декабря 1941 года, когда началось контрнаступление Красной Армии под Москвой, один из медсанбатов 33-й армии, в котором служила Ольга Кожухова, тоже начал наступать, развертывая брезентовые палатки на передовой — в лесах, в сгоревших подмос-

ковных поселках.

«В первых же боях потеряли 4000 человек, — напишет она спустя годы. — Дивизия вообще была слабая, из резервистов, людей в возрасте, они умом очень многое понимали, а проявить себя не могли. Немцы минометами нанесли нам непоправимый урон. А самое главное, что меня удивляет и сегодня, это выбор участка фронта для контрудара: через лед Москвы-реки — на крутой холмистый берег — должны были идти солдаты с винтовками наперевес... Это или недомыслие, или заранее продуманный вред стране, нашей армии. Я за это возненавидела Говорова».

На войне она насмотрелась всякого. Вот только один эпизод.

Ночное дежурство в декабрьскую ночь в палатке, переполненной тяжелыми ранеными. Молодой боец, такой же вчерашний школьник, как и сама дежурившая сестра, мечется в агонии и — навсегда затихает.

«Остановившимся взглядом смотрю и смотрю на серое обескровленное лицо с бесцветными бровями, с рыжеватыми, давно не стриженными прядями волос на висках, — вспоминает Кожухова. — И вдруг вижу — лицо, шея, грудь солдата внезапно будто бы зашевелились. Точно какая-то серая пленка задвигалась у него на щеках, на губах, на веках, на лбу, на бровях... И тут меня осенило: да это же вши! Целые полчища вшей покидали остывающий труп, тянулись к живому телу от мертвого... Как же, как же! Живое — к живому...

Я вскочила и бросилась на мороз, заплясала, отряхиваясь»...

В медсанбате, где служила Ольга Кожухова, были в основном девчонки — вчерашние школьницы. Бывшая студентка, только-только окончившая географический факультет Воронежского госуниверситета, представлялась ими едва ли не пожилой женщиной, поэтому звали они ее почтительно — Ирина Ивановна. А вот начальник медсанбата, начавший практиковать еще до революции в земской больнице, казался им вообще дремучим дедом.

Однажды, когда девчонки падали от усталости и холода, этот дед прямо перед операционной палаткой развел костер, вокруг которого рассадил своих юных помощниц и, глядя в их серые безжизненные лица, неожиданно нараспев стал читать:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф...

Они не знали, что имя автора этих строк находится в их стране под запретом, что еще в 1921 году он был расстрелян как враг советской власти. Всего этого там, под Москвой в декабре 41-го, они не знали. Но на всю жизнь — короткую или длинную — запомнили строки, буквально преобразившие их той ледяной гибельной ночью:

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер...

33-я армия, в которой сражалась Кожухова, была окружена под Вязьмой и почти полностью погибла. Сама Ольга Константиновна, едва уцелела, получив тяжелое ранение. В повести «Не бросай слов на ветер» она напишет: «Немецкие танки, перерезав дорогу на Вязьму в феврале 1942 года, разделили мою жизнь пополам. Ведь я только случайно осталась жива: из-за лошади, которую в Пинашине мы остановились покормить. Если бы не эта лошадь — ее убило осколком от авиабомбы в тот же день в Белом Камне, — я теперь была бы там, вместе с ними...»

СНЕГ — С ИЮНЯ ПО МАЙ

Изменить судьбу и оторваться от стихии войны она пыталась через две другие, как ей казалось, столь же мощные для человека стихии. Первой из них была природа.

Пахнет прелью листьев и грибами,
Ягодой, созревшей в тишине,
И — твоими теплыми губами,
И — воспоминаньем о войне.

Сочинять стихи Кожухова начала еще в школе. Об этом узнал и пригласил ее в самую настоящую взрослую редакцию широкоскулый человек с насмешливыми, но внимательными глазами — Борис Глебович Песков, один из самых талантливых довоенных воронежских литераторов. Песков редактировал литературную страницу в детской газете, где и дебютировала вскоре Ольга. Ей тогда едва исполнилось 14 лет.

Песков стал ее кумиром на всю жизнь. Уже после войны она вспоминала, как тот собирал их, молодых поэтов, и увозил за город, в лес. Там учил слышать, как весной на деревьях лопаются почки, видеть, как после дождей из клейких трубочек разворачивается лист, пьянеть от сладковатого запаха свободы и свежести в лесу...

«Он был мне, как отец, — рассказывала Кожухова. — И друг, и учитель, и писатель, которого я больше всех уважала. И... может быть, может быть, он был и увлечен цветущей и острой на язык школьницей, писавшей стихи... А это мне льстило... Борис Глебович Песков, нет, это всерьез... Это так глубоко, что я и сегодня боюсь вспоминать о наших с ним вроде бы легких, простых отношениях...»

Песков учил воспринимать природу, как продолжение своего тела. Уже на склонах лет она мысленно поправила учителя: природа — продолжение души. «Душа у меня сейчас совершенно безлюдная, одинокая, как осенняя степь в непогодину, перед зазимком. Перед снегом», — записала она в дневнике через шестьдесят лет после войны...

«Никогда в жизни не была так близка к природе, как на войне, — говорит одна из героинь ее романа «Ранний снег». — Что-то связывало в то время меня, небо и землю».

Критики не раз отмечали, что в военной прозе Кожуховой всегда много стихий. «Рвущий кору березы огонь, иссушающий монолиты дубовых и сосновых поленьев, превращающий их в белый пепел, обладает каким-то таинственным магнетизмом...». Это про огонь, а вот — о воде. «Он взглянул на нее исподлобья. И в глазах ледяной стоячей водой темнела тоска». Или так: «Глядя вдаль, на чернеющую кромку леса, Шерстобитов ушел на мгновение в глубь слоистых от времени воспоминаний, как уходит нырком в глубину прозрачной воды...»

Есть и о воздухе: «Ночь уже потихоньку повертывалась над застывшей в сугробах землей... Лида чувствовала: здесь сам воздух насыщен опасностью, как электричеством». Так воздух войны предвещает гибель людей, разгром небольшого отряда.

А вот земли в прозе Кожуховой — почти нет. Всю землю война покрыла снегом.

«Какая-то странность, — отмечала писательница в дневнике, — как зима начинается, так я вспоминаю войну. А ведь я на войне была все четыре года, и все времена года видела не единожды... На собственной шкуре их испытала. А помнится больше всего зима...»

В повести «Двум смертям не бывать» зима становится для героев — главной средой существования, символом тяжелейших военных будней. «Встречный ледяной ветер, бивший в лоб, обмораживает лица, ломит челюсти, месиво истолченного снега под ногами цепко вяжет ноги. Рывкнут орудия, и снег сухими струйками течет с еловых ветвей...» Постепенно буйство природы превращается в апокалипсическую картину: «Выли, плакали ветры, ощерялись в немислимой злобе и сшибались лоб в лоб, и стонали от бешенства, не осилив друг друга. И тогда поднимались до неба вертяльвыми снеговыми столбами, и там рассыпались в невидимый прах. А потом этим маленьким, еле видимым прахом, дымясь, утекали по склонам высоток, по оврагам в кустарник. Заметали дороги. Курились на взгорках серебряными облачками летучей поэмки...»

Снег, как фон, как обрамление сюжета, присутствует и в других военных произведениях Кожуховой.

«Пустынная снежная дорога, едва различимая в ранних сумерках, виляя от вешки к вешке, привела ее к незнакомой речке, поросшей кустарником.

Аня шла неторопко, задумавшись. И ступила на битый, изъезженный лед реки почти машинально. И вдруг встала как вкопанная. Прямо перед ней, под прозрачной зеленоватой толщей льда, лежал человек. Голова его завалилась на самую глубину, и подледная, незамерзающая струя, перебирающая придонные травы, играла и с овсяными волосами убитого, шевелила их длинные пряди, отчего они были как будто живые. Тело же человека ниже пояса лежало выше, словно кто специально тащил его, мертвого, из воды, но не вытащил, бросил, только снял сапоги, галифе и даже кальсоны.

Наверное, немало нехорошего натворил на нашей земле этот человек, если был так убит и так брошен, раздетым на самой дороге. И Аня, чуть сморщась от тайного сострадания, в то же время с жесткостью детского любопыт-

ства долго, с пристальным вниманием смотрела в прекрасное молодое лицо с голубыми глазами, живыми в текучей, живой, незамерзшей струе, и туда, где кончался мундир и где на молочно-белом, чуть втянутом животе темнели курчавые волоски обнаженного паха — куда более страшные, почти отвратительные в бесстыдной своей обнаженности...

Снег вокруг мертвеца был исчерчен колесами и полозьями, и следами солдатских валенок и сапог, расходившихся от этого места широкими полудужьями. Наверное, и пехота, и обозы, и артиллеристы, вытягивающие на руках свои тяжелые пушки, — все, кто и сам повидал смерть в лицо, — проходя здесь, ломали ряды, огибая лежащего: ни один не наехал на мертвое тело и не наступил.

Потом, миновав мертвеца, ряды снова смыкались». («Ночные птицы»).

«Батальоны лежали на большом снежном поле. Тут и там дымились воронки. Раненые, кто мог, царапая пальцами тонкий клеенчатый наст и распахивая по целине глубокие белые борозды, уже отползали в тылы полка, под укрытия догорающих изб Ненашева. Но и там, на проулках, рвались мины. Они кричали по-утиному на лету, чуть присаживаясь на наст, и гулко взрывались, ваяясь черно-серо-коричневым облаком набок, на ту сторону, куда с шумом ложился и весь торфянистый выброс земли с мерзлыми комьями снега». («Фонарики, плывущие по реке»).

Наконец, именно снег становится главной метафорой масштабов трагедии войны в самом известном произведении Ольги Кожуховой — романе «Ранний снег».

«Снег, снег, снег...

Снег на лошадиных трупах... Снег на низких толстых ветвях кустарника. Снег на каске стоящего у въезда на территорию медсанбата зазьябшего часового. Островерхие крыши палаток тоже в снегу. Он лежит на краях брезентовых скатов, завиваясь под ветром в петушиные гребни...

Одушевить этот неподвижный давящий на все снег способно лишь наступление на позиции врага. Изменившаяся боевая обстановка придает динамику мертвому пейзажу, в безмолвии которого вдруг появляются вязнущие в сугробах полки; солдаты, несущие на руках снаряды, толкающие машины, увязшие здесь и там в хрустящем крахмалистом снегу...

«Позавчера наконец переломилась линия фронта. И кажется, вместе с линией фронта переломилась погода: безмолвие подмосковных мгlistых морозов смешалось с завыванием вьюги. Ночью серая лента шоссе выглядит бешено мчащейся к Можайску рекой. На ее быстрине кружатся, завиваясь воронками, как в половодье, высокие пенные гребни метели. Сугробы справа и слева дороги плывут куда-то перед глазами, их белые волны ходят ходуном. Уже за десяток шагов все тонет в свистящей, завихренной мгле, в клочковатом тумане...»



Обложка книги фронтовых стихов Ольги Кожуховой, вышедшей в Воронеже в победном 1945 году

И вдруг все это осмысленное движение останавливается и замирает. На переднем плане фигура женщины, одиноко стоящей на уже черном (ее деревню сожгли) иглистом снегу, который «под ногами не скрипит и даже не визжит, а свистит — такой сильный мороз». В руках та женщина держит закутанного в тряпье грудного ребеночка и все пристает и пристает к врачам и медсестрам с одним навязчивым вопросом:

— Касатки, милые... ну хоть поглядите, что с ним? Ведь который день уже грудь не берет.

А ребеночек тот — уже мертв...

...Борис Глебович Песков, учивший воронежских мальчишек и девчонок чувствовать природу, как собственное тело, ушел на фронт в первые дни войны. В 1944-м он погиб. Добровольцами ушли на ту войну и его ученики. Из них до Победы дожила только Ольга Кожухова.

О войне она начала писать не сразу, лишь спустя почти двадцать лет. А свой первый роман, вышедший в 1964 году и принесший ей широкую известность, закончила так:

«Снова снег за окном. Он похож на цветы одуванчика, столь же легок, пушист и так же послушен движению ветра. Он садится на подоконники, на перила балконов, кружится у самого стекла окна. Ранний снег, неожиданный, непривычный...

Он как вечное напоминание о погибших живым».

«Я ТЕБЯ ПРИПОМНИЛА КРЫЛАТЫМ...»

Другой стихией, через которую она пыталась выйти из войны, была любовь. При этом самой Кожуховой всю жизнь приходилось бороться с мнением иных невовавших людей, считавших, что женщина, особенно красивая, на войне выживает понятно каким образом и что все ее подвиги заслужены именно таким трудом. «Один известный советский поэт, не буду называть его имени, сказал, что на фронте любили фронтовых девушек, так сказать, за неимением лучших, — делилась как-то наболевшим писательница. — Но, однако, желаю задать частный вопрос, а почему же лучшие не были в то жестокое время на фронте? И чем они лучше тех, которые воевали?»

Увы, женщине на войне трудно не только потому, что она вообще для ратного труда не создана, а потому еще, что вокруг нее ежедневно рискующие жизнью мужчины, многие из которых думают, что этот риск снимает все моральные ограничения и нужно успеть напоследок.

Вот это ощущение аморальности воздуха войны преследовало Кожухову всю жизнь. Незадолго до смерти она записала: «До сих пор, т.е. в 80 лет с хвостиком, как дурной сон вспоминаю свое пребывание на войне единственной женщиной среди великого множества мужчин. Никакого счастья от этого не испытывала, только чувство стыда, когда нужно было ложиться спать, умываться, готовиться на ночь, все-все на глазах, ни шагу в тень, в “непросматриваемое” пространство, ничем не заслониться, не укрыться... Не бомбежки и не обстрелы были страшны, а глаза мужчин».

Когда-то ее учитель и друг Борис Глебович Песков, провожая воспитанницу на фронт, объяснял ей в воронежском городском саду не как уберечься от пули в бою, а как сберечь себя среди многих и многих молодых мужчин... О том уроке она помнила постоянно.

«К нам в госпиталь привезли военно-полевую любовницу командира полка делать аборт, — рассказывала Кожухова. — Я тогда была в шоке. В еще большем шоке я была, когда узнала, что не от командира она беременна, а от его адъютанта

Мишки. Он приезжал в госпиталь ее навестить, а залез на печку ко мне. Другого такого “рукопашного” боя я не помню, как этот. Мишка и сам в этом признался, что такого отпора не встречал, хотя и здоров был, как бык. И зауважал меня на многие, многие годы. До самой своей смерти. Била я его, как могла.

...Вот так, обессилившая, дай, а потом тебя будут презирать. Хороша бы я была... Но я была в госпитале в “мужской” силе, занималась спортом, принимала лечебный душ, хвойные ванны, пешие хождения вдаль “за три моря”. Здорова была. Мужиков била».

Ветки сосен трогают палатку,
На полу вповалку мы лежим.
Я тебя припомнила крылатым,
Ласковым, сияющим, большим.

И встают передо мною живо
Дни, когда была счастливой я,
А сейчас вокруг меня чужие,
Жен своих забывшие мужья.

Что мне в их улыбке торопливой,
Разве в силах я тебя забыть,
Если очарованной, счастливой
Я могла с тобою только быть.

Что мне в них, усталых и влюбленных,
Что мне их забытая семья,
Если ты, пожаром опаленный,
Как и прежде, помнишь про меня?

Верю я в тебя, мой бог крылатый,
Наше счастье к нам еще придет...
Ветви сосен трогают палатку,
Ночь вдоль фронта по снегу идет.

Эти фронтовые стихи — из поэтического сборника Кожуховой «Белый камень», вышедшего в Воронеже в победном сорок пятом. Та книжечка стала для автора пропуском в Литературный институт, где она училась в семинаре Паустовского. Ее однокурсник — известный поэт Наум Коржавин — в своих воспоминаниях пишет об Ольге Кожуховой, как об «очень красивой девушке — настолько, что красоту ее не портил даже явный и бросающийся в глаза дефект — укороченный с одной стороны рот». Упоминаемый дефект — печать все той же войны: после двух ранений на фронте, височная кость у Кожуховой была вдавлена внутрь, что деформировало одну сторону лица. Поэтому после войны фотографировалась писательница в основном в профиль...

«В мире есть много великих и грозных вещей, — записала она в дневнике. — Но любовь и война, пожалуй, наиболее грозные, страшные вещи в судьбе человека. Они могут и возвысить его, и унижить, и даже убить. Тему любви и тему войны я, думаю, не исчерпала ни в романе “Ранний снег”, ни в повестях “Двум смертям не бывать” и “Ночные птицы”. Мне кажется, и другие военные писатели, в сущности, не выходят из этих двух тем, чего бы они ни касались. И тоже не исчерпали...»

Примечательно, что в ее военных произведениях — нет счастливой любви. Война со всеми ее превратностями может подарить человеку встречу с любимым, но такая встреча — только попытка разорвать цепь неизбежных утрат, только призрачные контуры счастья, которое на войне неизменно перечеркивает беда. Оттого и трагичны истории любви всех кожуховских героинь — санитарки Лиды Букатовой («Двум смертям не бывать»), фельдшера Ани Худяковой («Ночные птицы»), трех воронежских подруг-медсестер Шуры Углянцева, Марьяны Поповой и Женьки Мамоновой («Ранний снег»)...

У их любви нет будущего, потому что женское предназначение всех этих девушек на той войне — не жена, а сестра. И не медицинская даже сестра, потому что медицина зачастую уже бессильна в том жутком кровавом месиве, в котором они оказались. И где их миссия — стать сестрами милосердия.

«Никакая, даже самая скорая, помощь ему уже сейчас не поможет, — читает в романе «Ранний снег». — Даже если его сию же секунду положат на операционный стол. Но он смотрит мне прямо в глаза и ждет, что я скажу. — Шура... Милая! Хорошая! Помоги. — Я киваю ему...»

Когда уходит надежда, остается только милосердие...

...Первого своего мужа Ольга Кожухова встретила на войне. И та фронтовая любовь не принесла счастье.

«Виктор — “мозаичный” человек, — спустя годы рассказывала писательница. — В нем нет ничего цельного. Вот, кажется, любит... И вдруг какая-нибудь удивительная гадость». Их союз длился недолго: в 49-м она ушла от мужа, от его «не фронтового уже, а домашнего, мирного равнодушия».

А вот второй брак Кожуховой стал для нее счастливым. Этот ее роман начался уже после войны, хотя служила она со своим будущим избранником — в соседних полках и, как выяснилось, даже их автографы стояли почти рядом на стене поверженного рейхстага...

«Вне всяких общественных и профессиональных дел, выше всех моих обязательств и выше всей моей жизни, единственное, самое дорогое — мой муж, Анатолий Васильевич Никонов, — писала счастливая Кожухова. — Сам Бог послал мне А.В. С его дивным благорасположением ко всему живому, со “спокойным спокойствием”, — ведь есть же, бывает же спокойствие показное, сделанное, выработанное годами, а это — естественное, как равнинная река в разливе... И вся его внутренняя теплота, доброта и его ненавязчивое, но такое врачующее внимание, во всем, во всем, до мелочей...»

Анатолий Никонов был достаточно известным в свое время литературным функционером. Когда они познакомились, он работал в секторе печати ЦК комсомола, потом был заместителем редактора журнала «Вокруг света», редактором журналов «Смена» (где Кожухова тоже недолго работала) и «Молодая гвардия» (где она опубликовала все свои главные военные тексты). Последнее издание при Никонове неожиданно снизило репутацию главной трибуны русских националистов, что, поговаривали, в интернациональном СССР раздражало едва ли не самого Брежнева. В 1970 году, после публикации романа Ефремова «Час Быка», в котором власти увидели клевету на советскую действительность, Никонова сняли. Однако с помощью высокопоставленных друзей-русофилов он смог вернуться в журнал «Вокруг света», который и редактировал до самой своей смерти в 1983 году.

В их союзе с Никоновым Кожухова была, пожалуй, более волевой стороной. Муж окружал ее заботой и поклонением, не устал признаваться в любви и все больше от нее зависел. Когда он умирал, главная его забота и мука была — как она будет жить без него. И, в общем, волновался он не напрасно: она сразу же сломалась, уже на кладбище ей показалось, что лицо ее умершего мужа зашевелилось, как лицо того молодого бойца, получившего смертельную рану под Москвой лютой зимой 41-го. Тогда с остывающего солдатского тела убежали вши, а теперь лицо ее любимого отогревал солнечный свет, и, казалось, оно вновь наполняется жизнью...

Ото всех этих видений у Кожуховой началась длительная депрессия, в результате которой ее, по собственному признанию, на пять лет «запрятали в сумасшедший дом», где по несколько раз в день ее мстительно и жестоко допрашивал врач-психиатр...

«Война, люди не могли укоротить мою дерзость, мою жизнерадостность. Меня укоротила смерть Анатолия Васильевича, ненаглядного Толи», — горько признавалась писательница.

ОДНА

Болезни заточили ее в четырех стенах, а родственники и идейные единомышленники Никонова постарались сделать ее последние годы невыносимыми. Все как-то сразу, почувствовав ее незащищенность после смерти мужа и болезни, стали открыто выговаривать, что она злоупотребляет фронтовым опытом и, что называется, никак не вылезет из солдатской шинели...

Это было подло: нельзя ставить в упрек человеку то, что является его трагедией, а никак не виной. Кожухова действительно в каком-то смысле так и не смогла демобилизоваться, продолжая расплачиваться с той войной вечными своими неврезами и фронтовым максимализмом.

Она все чаще ощущала себя безымянной сестрой милосердия из своего романа «Ранний снег». Сидит та девушка и безутешно плачет — а сама еще девчонка с неуклюже оципантыми бровками, носом пуговкой, — и вот рыдает, спешит объяснить всему свету, как плохо все получилось: везла она раненых на полуторке, под бомбежкой, под обстрелами и увидела на обочине еще человек двадцать пять бойцов, кто с ранением в череп, кто в живот, а кто в руки-ноги... И так ей стало жаль их, кем-то брошенных на проселке, что объяснила своим, тоже очень тяжелым, лежачим: «Вы меня здесь, милые, под деревом подождите, я вот этих быстренько отвезу и сразу же за вами!»

Отвезти-то она отвезла, а назад не вернулась: через час под тем деревом уже были вражеские танки...

Каждый год в День Победы Ольга Константиновна Кожухова надевала боевые ордена и шла к церкви. Она не была верующей, и поэтому в сам храм не заходила. Она выбирала какую-нибудь ветхую старушку, давала ей деньги и просила помянуть двадцать миллионов погибших и еще одного ушедшего солдата Победы — Анатолия Васильевича Никонова.

После этого она возвращалась в свою одинокую квартиру в Несвижском переулке. Это почти центр Москвы, где Кожухова теперь была одна, всеми заброшена и забыта. «Мои долгие, черные годы одиночества», — напишет она об этом своем времени.

Светлых записей в ее последнем дневнике — мало. Вот одна из них:

«Звонок из Воронежа. Олег Григорьевич Ласунский. Давно не было в моей писательской жизни такой радости... А ведь мне никто за 11 лет со дня смерти А.В. ни разу (!!!) не позвонил, не навестил меня...»

Дневник, который Кожухова в последние годы вела почти ежедневно, стал ее духовным сопротивлением немощи и одиночеству.

А еще — сопротивлением войне.

Пока были силы сопротивляться. А потом невроз вечного невозвращения с поля боя догнал ее и на его страницах.

«Все отнято у меня. Отнят дом в Воронеже с двумя старыми вязами под окном, с королевскими оранжевыми лилиями под яблоней, с песчаной дорожкой, с золотыми шарами по осени... Отнято все войной — и ничего ко мне не вернулось и не вернется уже никогда, будто так и надо, будто это самое правильное — отнять у человека огромность окружающего его мира и не отдать и частицы. А мне нужен собственный дом, пусть в две комнаты. Нужен порог. Нужна печь. Нужны солнце, и звезды, и куст жасмина возле порога, и трава, и щенок, и котенок. И нужна еще светлая, добрая любовь большого и терпеливого человека, которого я люблю и которому посвятила жизнь... Нет, увы, не лучшую часть своей жизни. Все лучшее съела опять же война», — записала она незадолго до ухода.

...После ее смерти разные люди публиковали какие-то обрывки из той последней, огромной по объему ее дневниковой исповеди, а вот что стало со всем архивом писательницы — неизвестно. Главный собиратель воронежской литературы Олег Григорьевич Ласунский пытался выяснить его судьбу, да так и не смог.